

Атос находился в зоне, в которой он не был со времен своей прошлой жизни. В зоне, где его тело двигалось в симфонии с разумом, где он отбросил тактику и позволил инстинкту взять верх. Он не планировал каждый свой шаг. Да ему и не нужно было. Да и зачем? Он был сыном Геракла! Борьба была у него в крови!

Когда он сражался с мантикорой, каждая фибра его существа реагировала с таким энтузиазмом, что он почувствовал себя ошеломленным, и знакомое чувство зародилось в нем. Однако в его глазах была сосредоточенность и решимость с оттенком жажды крови, когда он уворачивался от атак мантикоры, мастерски используя Левиафана, чтобы защититься от коварных отравленных шипов, которые монстр время от времени выпускал. Через несколько секунд он усмехнулся под маской, когда очередной удар когтями промахнулся мимо его головы, узнав это столь знакомое чувство. К нему вернулась любовь к бою. Это была не тренировка, где его защищал отец. Это был настоящий бой. Вот что заставляло его кровь кипеть все эти годы. Его атаки перетекали из одной в другую, из одной стойки в другую, а его танцующие ноги отбивали странный ритм, и вскоре мантикора была отброшена назад с неприятным разрезом на туловище.

"Грррррр! Мерзкий полукровка! Как ты еще стоишь? Мой яд!", - голос мантикоры прервался, когда он увидел, что рана Атоса начала затягиваться. Кровотечение почти остановилось, и рана начала затягиваться.

"Ты! Какова твоя божественная родословная!", - закричала мантикора, возмущенная тем, что яд, которым она гордилась, так легко игнорируется.

Атос не ответил, быстро наступая и размахивая Левиафаном из стороны в сторону, используя сторону молота. Слишком быстро мантикора не успела увернуться, и удар пришелся в левую руку, которую она использовала для защиты. Раздался жуткий треск.

"Граавхрр!", - завывало чудовище, когда его единственная рука была сломана, и под действием силы удара его отбросило в сторону, врезавшись в ржавую, ветхую машину. Оно закашлялось и попыталось сесть, но его хромая рука не реагировала. В ушах раздались шаги, и мантикора, подняв голову, увидела Атоса, который медленно шел к ней с окровавленной рукой, волоча по

бетону большой топор. При этом холодный, бесстрастный козырек его маски Темного Вейдера буравил его душу.

Страх охватил сердце монстра, но его амбиции и мечты не позволяли ему сдаться.

"Нет! Я никогда не покорюсь. Не дворнягам вроде тебя!", - прорычало оно, пронзая вперед своим острым скорпионьим хвостом, нацеленным на голову Атоса, но тот был готов к этому. Он мгновенно наклонил шею вбок и лениво отсек хвост, когда тот пронесся мимо него, вызвав еще один болезненный вопль. После того, как его так бесцеремонно закололи, он больше не поддастся на такие уловки.

"Н-нет! Мне обещали... Они обещали мне... Как!!!", - заикалось чудовище, пытаясь увеличить расстояние между собой и Атосом, но все было напрасно.

Атос поднял свой топор в воздух, и страх в глазах чудовища заметно усилился.

"Я был призван сеять ужас и страх, поганый полукровка! Я заставлю богов па..."

СМЭШ

Он обрушил Левиафана на горло мантикоры, заставив монстра замолчать. Оно булькало несколько секунд, а затем впилося в его топор, чей фиолетовый оттенок слегка усилился.

"Будь осторожен, не подавись своими стремлениями", - сказал он, и линзы его маски злобно сверкнули.

Это был тяжелый бой. Бой, который он запомнит надолго. Ему действительно нужно было поработать над своим менталитетом, потому что, в отличие от того, что он думал раньше, это имело огромное значение. Он вздохнул и потряс головой, чтобы очистить свой разум, превратив Левиафана обратно в его кольцевую форму. Он уже собирался мысленно отпраздновать свою победу, но вдруг понял, что двух детей нигде не видно, и они исчезли из-за белого фургона.

"Черт! Черт! Только не говорите мне, что все это было напрасно", - подумал он, с трепетом наполняя свое сердце. Цель была не "Убить мантикору". Это было "Помочь им". Хотя цель была крайне неопределенной, он сомневался, что Гефест будет счастлив, если потеряет полубогов.

Его беспорядочные мысли были прерваны очередным звонком телефона, от которого у него чуть не случился сердечный приступ. Именно так Гефест связывался с ним раньше, и, вероятно, в этот раз это тоже был он. Он достал телефон и взял его в руки, его лицо слегка побледнело. Он очень надеялся, что сообщение не было просто "Умри", после чего он разлетится на куски.

Он глубоко вздохнул, осторожно включил телефон и просмотрел сообщения. И точно, там было сообщение от Гефеста с его символом молота и кузницы.

[О детях позаботились. Я послал сигнал сатиру, который был неподалеку.]

С

Атос испустил большой вздох и почувствовал, что с его плеч словно свалился огромный груз. Ему не хотелось представлять, что если бы дети убежали и их сожрало другое чудовище. Он

содрогнулся при мысли о том, что его заживо поджарит разгневанный бог. Это не было бы приятным событием.

Выключая устройство, он заметил внизу сообщения еще одно небольшое предложение, которое пропустил мимо ушей. Да пошла ты, дислексия!

[Приготовьтесь]

А?

КЛАНГ

Что-то тяжелое ударилось о заднюю часть его маски и упало на землю. Удивленный, он обернулся, вызвал Левиафана, полагая, что это другой монстр, но ничего не обнаружил. Он в замешательстве посмотрел вниз и обнаружил на земле бронзовую медаль. Он был уверен, что раньше ее здесь не было, но она показалась ему немного знакомой. Взяв ее в руки, он обнаружил, что в середине медали есть углубление, а на нем вырезано греческое число "Дио", означающее "два".

Он не знал, почему было вырезано "Дио", но он узнал медаль как тот самый предмет, который Аннабет и Перси использовали, чтобы найти Гефеста в "Битве в Лабиринте". Она была подарена им Эвритоном, полубогом Ареса, который получил этот предмет от самого бога за оказанную ему услугу, не похожую на то, что сделал сам Атос. Возможно, именно поэтому он также получил подобный предмет.

Медаль, в отличие от своего обыденного вида, на самом деле была автоматом, продуктом многочисленных поделок Гефеста. Если нажать на углубление в центре, медаль превращалась в механического паука, который приводил его туда, где в это время находился Гефест. Это было действительно удобно. Возможно, бог поможет ему разгадать секреты его топора.

"Как-нибудь в другой раз", - подумал он, откладывая медаль. Затем он осмотрел свою раненую руку, которая была проткнута шипом. Кровотечение полностью прекратилось, и образовался довольно большой струп. Даже боль притупилась, а онемение исчезло. Его фактор исцеления был действительно очень силен.

Он вздохнул с облегчением, поскольку никаких необратимых повреждений нанесено не было. Любой другой полубог потерял бы сознание от сильной боли, вызванной ядом, но для него она была вполне терпимой. Затем он снова уменьшил Левиафана до кольцевой формы и уставился на солнце, которое слегка выглядывало из-за облаков.

'Пора идти нападать на старика'.

<http://tl.rulate.ru/book/83311/2850827>